

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭПОХА

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

МИХАИЛ ТОМКОВИЧ,

начальник Главного аналитического центра НИЭИ Минэкономики,
кандидат экономических наук

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ,

профессор БГЭУ,
доктор экономических наук

В современной экономической науке привычной стала риторика о том, что мир подошел к порогу новой эпохи своего развития – постиндустриальной или уже шагнул в нее. Одним из наглядных признаков этого процесса, как правило, называют резкий рост значимости сферы услуг, выражающийся в изменении структуры занятости, или ВВП. В сущностном плане речь обычно идет о переходе экономического развития от материального производства к нематериальным сферам, гиперболизации движущей силы науки и главенствующей роли интеллектуального потенциала человека.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Взрывной рост такого дискурса пришелся на 1960–1970-е годы и связан с именами таких видных представителей постиндустриальной теории, как Д. Белл, Э. Тоффлер, Ж. Фурастье, М. Кастьелс и др. Названные ученые занимались вопросами трансформации отношений в обществе, сопровождающихся изменением отраслевой структуры экономики и методологии управления социально-экономическими процессами, усилением роли научно-технического прогресса, сдвигами в распределении значимости используемых ресурсов и технологий.

По мнению основоположников такой теории, неизбежен переход к новому типу социума, который они называли «постиндустриальным обществом», «цивилизацией услуг» и т.д. Вне зависимости от используемой терминологии суть и доказательная база их теоретических концепций достаточно близки. Можно выделить следующие отличительные особенности постиндустриального общества:

- основа экономики – *сфера услуг* (т.е. третичный сектор, к которому относятся транспорт, связь, IT, торговля, здравоохранение, образование, туризм и т.д.);
- главный фактор развития – *человеческий капитал*;
- стратегический ресурс – *«знанийевый» и информационный капитал*;
- ключевая отрасль – *индустрия знаний*;
- ключевые технологии – *интеллектуально-информационные*;
- базовые профессии – *исследователи, высокообразованные профессионалы*;
- центральный принцип развития – *повышение качества жизни людей*.

Смещение фокуса внимания со сферы производства на сферу услуг является общемировым трендом, о чем свидетельствует изменение частоты упоминаний соответствующих терминов в литературе (см. рис. 1). При этом в развитых англоязычных странах переориентация интереса в сторону сферы услуг произошла на несколько десятилетий раньше.

Приоритетное направление развитие сферы услуг подтверждается мировой статистикой и признается на самых разных уровнях управления (межгосударственном и национальном).

При этом важно отметить, что теория постиндустриализма достаточно быстро вышла за пределы академических дискуссий и широко проникла в политико-экономическую сферу в самых разных странах и их группах.

К примеру, по мнению Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), «услуги все чаще становятся основным сектором экономики во всем мире, главным образом из-за «сервисизации» производства».

В Республике Беларусь такая позиция также находит свое отражение в программных документах. В частности, Национальной стратегией устойчивого развития РБ до 2035 года запланировано увеличение доли занятых в сфере услуг с 60,6% в 2018 году до 72% в 2035-м.

Подобные кейсы довольно распространены, и в целом может

сложиться впечатление, что безальтернативность постиндустриальной теории широко признана, не подвергается сомнению и даже приобрела догматический характер. Однако это далеко не так. Как и любая популярная теория, она имеет своих оппонентов, зачастую весьма авторитетных, опровергающих ее, доказывающих несовершенство или даже ее вредность.

Среди таких критиков выделяются публикации В.Э. Багдасаряна, Д.В. Маслова, Ю.П. Свириденко, В.И. Якунина, в которых последовательно и принципиально осуждается теория постиндустриализма как деструктивная и наносящая вред экономическому развитию большинства стран. Основной посыл в их работах сводится к иллюзорности постиндустриализма как теоретической концепции и результата объективного исторического процесса. Это явление представляется в виде информационного оружия, с помощью которого наиболее развитые страны «золотомиллиардного Запада» обеспечивают собственное эко-

номическое развитие и реализуют «модернизованную модель неокOLONиального управления».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВ

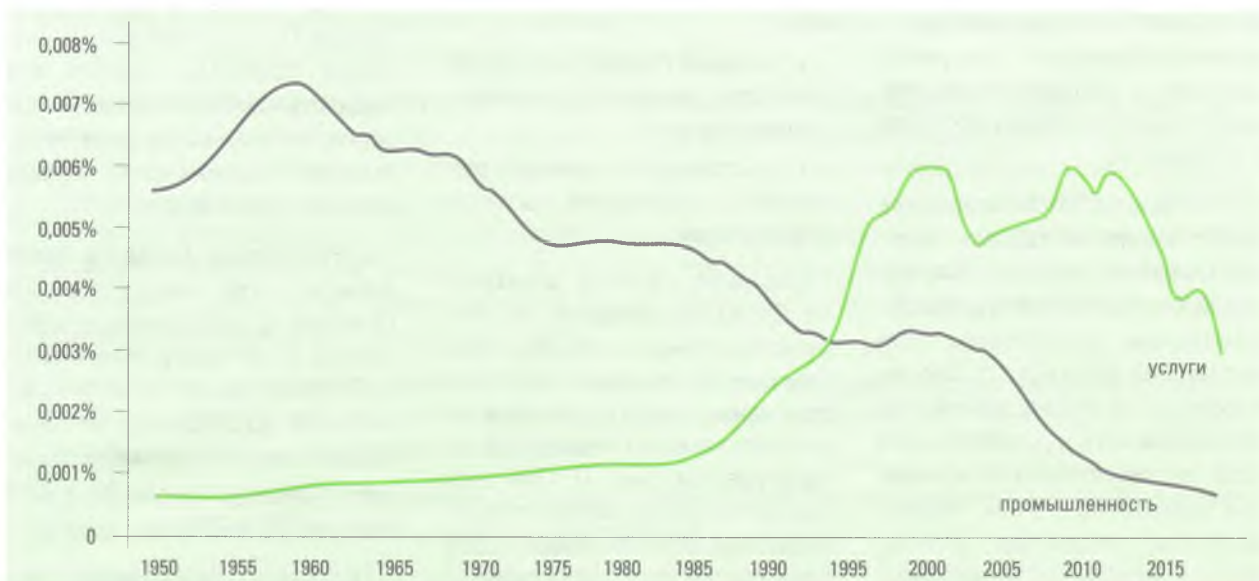
Один из основных тезисов критиков заключается в том, что рост доли сервисной экономики для небольшого числа наиболее развитых стран мира (например, США, Канады, ведущих европейских государств) обусловлен деиндустриализацией и выносом промышленных производств в слаборазвитые страны с более низким уровнем оплаты труда. В качестве доказательства приводится перенос промышленных производств в Азию, Латинскую Америку и иные регионы, для которых характерна низкая стоимость рабочей силы.

Однако эти аргументы опровергаются экономической реальностью. Действительно, во второй половине XX века происходил вынос промышленных производств из развитых стран, сопровождавшийся изменениями отраслевой структуры экономики и названный *офшорингом*. Его основной причиной стала

разница в стоимости факторов производства в различных странах и в первую очередь рабочей силы, а также либерализация условий внешней торговли, уровня тарифных и нетарифных ограничений. Однако уже с начала 2000-х годов в мире начала прогрессировать обратная тенденция, выражающаяся в возврате части или всего объема промышленных мощностей на территорию, где зарегистрирована материнская компания. Наиболее часто этот процесс называют *решорингом* (параллельно также используются такие термины, как *бэкшоринг*, *ниашоринг*, *релокация*). В последнее десятилетие в научной литературе он обсуждается как свершившаяся тенденция, что подтверждается статистически. Например, только в США в результате решоринга за 2010–2020 годы было создано более 500 тыс. рабочих мест, что сопоставимо с результатами от привлечения прямых иностранных инвестиций за названный период.

Основным донором перемещаемых рабочих мест является

РИС. 1. СГЛАЖЕННАЯ ЧАСТОТА УПОМИНАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 1950–2019 ГГ.

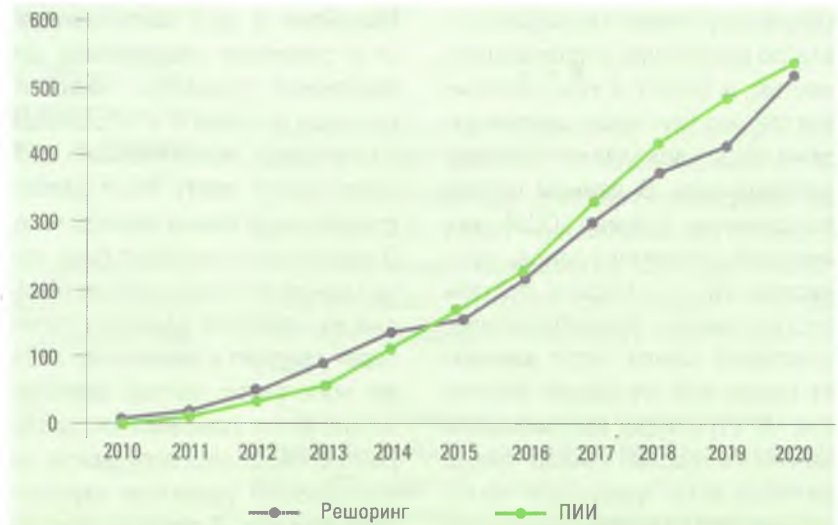
Примечание. Авторская разработка автора на основе данных сервиса Google Books.

ся Азия (61%), в частности, Китай. При этом рещоринг в США в большей степени характерен для высокотехнологичных и среднетехнологичных производств высокого уровня (согласно методологии ОЭСР), на которые приходится 64% от их общего объема.

Страны Евросоюза также активно перемещают производственные мощности на родину. Параллельно Европейской комиссией принята «Новая промышленная стратегия для Европы», в которой декларируется «новый индустриальный путь для Европы», который «отвечает амбициям сегодняшнего дня и реалиям завтрашнего дня». По сути, речь идет о реформировании индустриального сектора на основе двойного экологического и цифрового перехода. Этот подход закрепляет стремление к углеродной нейтральности и экономике замкнутого цикла, базирующихся на современных технологиях. При этом указанная промышленная стратегия выстроена в соответствии с положениями теории постиндустриализма. В частности, констатируются изменения в европейской промышленности в контексте происходящего «перехода от продуктов к услугам и от монопольного владения продуктами и услугами к совместному владению».

Среди основных **внешних причин рещоринга** компании называют рост затрат на производство за рубежом (в первую очередь из-за удорожания рабочей силы); рост требований рынка к технологическому уровню производства, включая прогрессирующую роботизацию; дефицит квалифицированных кадров и инфраструктуры бизнеса в слаборазвитых странах; слож-

РИС. 2. ОБЪЯВЛЕННЫЕ РАБОЧИЕ МЕСТА В США В 2010–2020 гг. (НАРАСТАЮЩИМ ИТОГОМ), СОЗДАВАЕМЫЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕШОРИНГА И ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ (ПИИ), ЕД.

Источник: Reshoring Initiative.

ность логистики, приводящую к удорожанию продукции и повышающую риски срыва сроков поставки.

В свою очередь, **внутренними стимулами** для возвращения выступают меры государственной политики (льготы по налогам для бизнеса, поддержка исследований, совершенствование инфраструктуры, развитие образования), а также ограничения, касающиеся экспорта/импорта технологий.

В результате крупным транснациональным компаниям становится выгоднее переносить производство в развитые страны, где размещается материнское подразделение с его исследовательскими центрами, либо расположенные недалеко. При этом важно понимать, что термин «перенос» в данном случае достаточно условен, так как фактически происходит создание новых производств, основанных на более высоком технологическом базисе, требующих развитой сервисной инфраструктуры и соответствующих повышен-

ным требованиям современного рынка. Таким образом, данный процесс, без сомнения, проходит в русле постиндустриальной теории и является ее подтверждением.

По нашему мнению, некорректно говорить и о том, что в рамках перехода от индустриального общества к постиндустриальному необходимо отказаться от материального производства и заниматься исключительно оказанием услуг. Речь идет об изменении основной движущей силы, определяющей общую динамику развития общества и экономики. Точно так же, как ранее индустриализация сельского хозяйства позволила кардинально повысить производительность труда и высвободить рабочую силу для промышленного производства, теперь научный прогресс вывел на передний план индустрию знаний с реформированием производственной сферы. Этот процесс сопровождается соответствующим перераспределением трудовых и иных ресурсов.

Не находят подтверждения и доводы критиков постиндустриализма о том, что труд в сфере услуг менее квалифицирован по сравнению с промышленностью, а значит, и хуже оплачивается, что негативно сказывается на общих доходах от трудовой деятельности. В данном случае показателен пример США как ведущей экономики мира, причисляемой к лидерам постиндустриальной трансформации, в которой сфера услуг занимает около 80% от общей занятости. В структуре американской занятости растет сектор видов деятельности, требующих именно высокой квалификации и, соответственно, высокооплачиваемых. Как показывают расчеты на основе данных Бюро экономического анализа США, с 1998 по 2019 годы выросла доля здравоохранения (на 2,4 п.п.), а также профессиональных, научных и технических услуг (на 1,6 п.п.). Только два названных вида деятельности практически полностью «перекрывают» снижение доли обрабатывающей промышленности за рассматриваемый период (5,1 п.п.). При этом важно отметить, что уровень заработной платы в указанных видах деятельности находится на уровне таковой в обрабатывающей промышленности или существенно превышает его.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сегодня в высокоразвитых странах фактически завершается формирование «новой» экономики, базирующейся на высокотехнологичной платформе и отвечающей современным требованиям. При этом под влиянием бурного развития сектора услуг происходит кардинальный пересмотр процессов в материальном производстве.

Помимо очевидных последствий для стран промышленного офшоринга (Бангладеш, Вьетнам, Малайзия и др.), выражающихся в снижении создаваемой добавленной стоимости, инвестиционном развороте и проблемах с занятостью, происходящие процессы могут иметь иные далеко идущие негативные последствия. В частности, существует риск, что движение технологических новаций из наиболее развитых стран будет сведено к минимуму либо же обострится фактор запаздывания, а это повлияет на конкурентоспособность государств, не обладающих развитым научным потенциалом. В результате страны технологической периферии могут окончательно превратиться в сырьевой придаток с откатом в своем развитии на доиндустриальный уровень.

Для Беларуси эта ситуация также является серьезным вызовом, так как наша экономика пока слабо ассоциируется с постиндустриальным типом. И речь здесь не идет о структуре ВВП или распределении занятости по видам деятельности. По этим показателям Беларусь достаточно близка к отдельным европейским странам, таким, как, например, Чехия, Польша, Словакия. Важные отличия заключаются в качественных параметрах развития. Например, по производительности труда отставание Беларуси от среднеевропейского уровня по отдельным секциям и подсекциям превышает 10 раз.

Причин этому можно назвать несколько, но к числу основных, безусловно, относится проблема технологического запаздывания, давно находящаяся в поле зрения государственной политики. Например, в Национальной стратегии устойчивого развития Рес-

спублики Беларусь до 2035 года констатируется необходимость структурно-технологического обновления экономики, основу которой будут составлять пятый и шестой технологические уклады. Подобные послы были и в предыдущей стратегии до 2030 года. Но по факту ситуация меняется недостаточно динамично. Например, в Беларуси внутренние затраты на научные исследования и разработки на протяжении последнего десятилетия колеблются около отметки в 0,6% к ВВП, что делает нашу страну одним из аутсайдеров на европейском пространстве. По этому показателю мы отстаем от Литвы в 1,6 раза, России – в 1,7 раза, Польши – в 2,1 раза, Германии – 5,2 раза, а от Израиля и Южной Кореи – более чем в 8 раз.

В этой ситуации Республике Беларусь критически важно выстраивать свою экономическую политику в контексте постиндустриальных тенденций. Необходимо пересмотреть приоритизацию инвестиционной политики, в первую очередь в направлении развития человеческого капитала и высокотехнологичных секторов. Для белорусской экономики жизненной потребностью является наращивание ресурсного обеспечения научных исследований с одновременным ростом объема и сложности запросов к исследовательскому сектору. Производственную сферу следует рассматривать с позиции ее сервисизации и встраивания в глобальные цепочки стоимости. Приоритетным направлением развития малого и среднего бизнеса должны стать высокотехнологичные виды деятельности, в том числе в связке с отечественными промышленными гигантами.